

К 85-летию Евгения Курдакова (1940–2002)

Екатерина КУРДАКОВА

НАША СТАЯ

«Я не знаю когда, хорошо бы не скоро, подберется ко мне моя добрая смерть, усмехнусь, перебрав мелочей своих ворох, лишь в одном преуспел – ничего не успеть». Это начальные строки раннего стихотворения моего мужа, Евгения Курдакова, поэта, художника, академика Петровской академии наук, обладателя юбилейной Пушкинской медали, создателя «Нашей Стаи», – без него, без его стихов я никак не обойдусь в рассказе о некоторых эпизодах жизни нашей семьи, «Нашей Стаи», – как он определил её в известных своих стихах.

Наша стая

Моим дочерям

Наша стая с утра, поднимаясь, свистит и щебечет,
Сочиняет стихи, распевает, рисует, поёт,
И живёт, как играет в смешную игру чёт и нечет,
И пока только чёт, слава Богу, пока только чёт.

Целый день трескотня, шум и гам, карусель, клоунада,
Свистопляска, базар, представленья, спектакль, маскарад,
Все шумят и кричат всё, что надо и всё, что не надо,
Но цветами верстак расцветает и просится в сад.

Всё навыверт, наружу, но, в общем, работы не видно,
Не горбом, а добром добывается хлеб и вино,
В толкотне, тесноте, суете – никому не обидно,
И собаки, и дети, и птицы навек заодно.

О, слетайте к нам в стаю, шуты, чудаки и чудачки,
Все, кто в долгом полёте от собственной стаи отстал,
В наше шумное празднество, птичье-цветочно-ребячье,
В наш бедлам, тарарам, маскарад, балаган, карнавал!

В нашу стаю всяк будет и принят, и всяк будет понят,
Всякий мокрые крылья осушит и крышу найдёт.
Добрый сад наш укроет, и птицы из клюва накормят,
И собака споёт вам, о, как вам собака споёт!

...И – пока не исчезли навеки, в тумане истая,
И – пока не сомкнулась над нами бесцветная тишь, –
Ты кружись и свищи, распевай, моя стая,
И лети, и не знай, для чего и куда ты летишь!

Женя как-то уж очень рано начал говорить о своей смерти, а я, по молодости, принимала его слова всерьез, и каждый раз при любом его недомогании или простуде пугалась, была предельно внимательной и заботливой. Он даже называл срок своей жизни – тридцать лет. Обосновывал свои слова очень аргументированно, приводя в пример малые сроки жизни известных поэтов: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Е. А. Баратынского, В. В. Маяковского, С. А. Есенина и т. д. Я спорила, называла примеры долгожителей-поэтов и писателей, но моя горячность, похоже, забавляла мужа, и он продолжал по-прежнему шутя, или всерьез, пугать меня.

Женя ушел из жизни, не дожив до 62 лет, что, конечно, мало и рано. Он был на творческом подъеме, с большим жизненным опытом, собирал и изучал редкий научный материал для книги. Он торопился закончить давно начатую работу «Русский Пантеон» – исследования тайн возникновения языка человечества, но увы...

С той поры прошло много времени, я пережила мужа на более чем двадцать лет. Наши дочери выросли, состоялись и обзавелись семьями. Я дождалась даже двух правнуков, которые, не зная того, пополнили «Нашу Стаю» и, как ни странно, сохранили все признаки, а скорее, свойства Стаи. Они еще об этом не знают, не догадываются. Им это передалось, наверное, генетически: они любят и содержат в заботе и любви домашних животных, братьев наших меньших. Ну а самое главное, конечно – изначально: сохраняют крепкие семейные устои, надежность и чистоту отношений.

Я пытаюсь заглянуть вперед, думая опередить время: загадывая, как я уйду из жизни, при каких обстоятельствах, болезнях. Кто меня встретит там, за чертой жизни, в той неизвестности, откуда еще никто не возвратился и ничего не рассказал. Уходивший из жизни младший брат Володя, не доживший до шестидесяти лет, находившийся в последний день болезни в коме, вдруг очнулся. Лицо его осветилось детской улыбкой радости, он вдруг совершенно внятно и нежно произнес-позвал: мама, мама!.. – его встречала мама, – он ушел совершенно счастливым.

Кто же встретит меня, в иной ипостаси, в другом бытие или небытие? И, наверное, только во сне может хоть как-то представиться это таинство. Приснилось мне, а может, не приснилось: рассеивающийся мрак в призрачности небытия – улыбающийся Женя в окружении Нашей Стаи; над его головой стая птиц: два щебечущих щегла, сидящие на плечах, бело-голубой, волнистый попугайчик Петруша нечеловеческим голосом, автоматически выдает приветствие: «Катюша привет, Женечка привет, Риточка привет, Юлечка привет, Олечка привет, Димочка привет!» Ворона Варя, взъерошенная, как всегда недовольная, угрожающе щелкает клювом, нависает, как вертолет, над головой испуганно прижавшего уши Малыша. Собака так и не смогла привыкнуть к

грубым забавам птицы. Улыбающийся пудель Рэмка, серьезный Малыш, любящий порядок в доме, не очень одобрительно посматривает на него, но ради такой встречи терпит, не рычит. Угрюмый Мистер Билл, мало проживший в нашей семье, предпочетший свободу, ну очень неодобрительно смотрит на происходящее – ну что за телячьи нежности! Неугомонный карликовый пинчер Чарли бегаёт кругами и кажется совершенно счастливым. Над собачьим сообществом кружит большая стая канареек с переливающимися трелями ке-наров. К этим птицам вдруг присоединяется стая скворцов, много лет проживших у нас на балконе четвертого этажа. В отдалении группа улыбающихся молчаливых разновозрастных людей. Я понимаю, что мои родные не могут приблизиться ко мне, мы не можем обняться и заговорить. Наверное, всё это голограмма, я в другом измерении, всё бестелесно, размычато, – в ступке вселенского разума. Нам с Женей не надо озвучивать свои мысли вслух, они сразу поступают в наш разум. Наша встреча исчисляется в секундах, да и вообще, возможно, мне всё это только снится, я ни на чем не настаиваю. Мгновенно всё исчезает, я снова в жизни, – мой срок еще не пришел, какие-то незаконченные дела задерживают меня в моей земной жизни.

Рита, Юля, Малыш и другие

В реальной жизни Наша Стая началась с рождением дочерей: Риты и Юли, с разницей в два с половиной года. Жили мы тогда в коммуналке на три хозяина. Пока это была просто семья, Стаей она стала позже.

Был 1973 год, декабрь. Женя неожиданно, не предупредив заранее, вдруг, принес двух красавцев-щеглов. Их подарил Жене друг, заядлый птицелов. И так как всё произошло неожиданно, спонтанно, у нас не было клетки, и птицы какое-то время жили вольно, летали по комнате, корм был на подоконнике, а скрывались они от преследования надоедливых девчонок на люстре. Там же и распевали свои незатейливые песенки. Позже мы приобрели небольшую, металлическую, красивой формы клетку. Любимое лакомство щеглов – семена репейника, и однажды Женя в воскресный день с лыжами на плече отправился за город. Он привез целый рюкзак колючего репейника, чем разнообразил корм нашим птицам. Весной, перед Пасхой, птиц выпустили на волю.

Не все люди одинаково относятся к близкому общению и проживанию в квартире с животными. Я несколько примитивно делю людей на кошатников и собачников. В нашей семье были собаки и птицы. Кошки почему-то не приживались. В нынешнее время модно содержать в квартирах и совсем экзотических животных, вовсе не приспособленных к квартирным условиям и даже опасных для хозяев. Но это уже другая история...

Теперь уж и не знаю, как объяснить, что в нашей семье всегда содержалась собака. Всегда мелкой породы, учитывая небольшие площади наших квартир. Где-то подсознательно, как я теперь понимаю, собачку брали для детей, чтобы не тянулись погладить чужих собак, что не всегда безопасно во всех смыслах. Собака в семье, в общении с домочадцами, приносит и создает какой-то свой микроклимат, обогащает своим присутствием общение детей и взрослых. Собака, бывало, и защищала наших девочек во дворе. Ну а самое главное – это пример беззаветной преданности и бескомпромиссной любви ко всем членам семьи. Это относится ко всем собакам, независимо от породы и размера животного. И все-таки все они разные, со своими характерами, наклонностями и привычками. Собака может улыбаться – губы растягиваются, смеются глаза, хвост – пропеллером, а может грустить, тосковать в пустом жилище, даже подвывать от одиночества. А может и обидеться, даже на хозяина, будет помнить и ждать, когда обратят на нее внимание, когда ее пожалеют и приласкают. Со-

баки тяжело переносят всякие изменения, – переезды, смерть хозяина и самое страшное – когда их бросают, предают...

Как-то так случилось, что собаки с детства присутствовали в моей жизни, и это было естественным. Родительская семья жила в своем доме, и, конечно, была собака. Маленький, преданный навек черный клубочек шерсти с глазами-бусинками (кстати, хороший охранник) – Жучок – прожил у нас около двадцати лет, был очень смышленным, виртуозно ходил на задних лапках. Да и в доме Жени жили две собаки: Мишка и Цыган. Видимо, поэтому и мы не избежали душевной привязанности к этим верным, бескорыстно любящим нас животным.

Первой нашей собакой был породистый карликовый пинчер Чарли. Приобрели его трехмесячным щенком на рынке. Меня он подкупил тем, что, находясь на руках у хозяйки, ухитрился дотянуться и лизнуть меня в лицо. В этом-то и была моя ошибка: как выяснилось позже, он готов был целовать всех подряд, без разбора – свои или чужие. Чарлик – короткошерстный черный с коричневыми подпалинами на груди и животе, на коротких ножках. Под коротким хвостиком подпалина в форме кленового листа. Прямостоящие треугольные ушки как бы всегда настороже. Хозяйкой он считал семилетнюю Риту – она чаще всех гуляла с ним. Щенок был феноменально активный, бегая по комнате, он запрыгивал на диван, а с него ухитрялся прыгнуть на стену и сделать пару шагов по ковру и снова спрыгнуть на диван. Прожил он у нас год, его украли на прогулке, когда Рита на минуту отвлеклась – этого хватило, чтобы проходящий мужчина схватил поводок и сунул Чарлика за пазуху. Мужчина прыгнул в трамвай – и был таков. Ритино горе было безгранично: она искала его по ближайшим дворам, писала и расклеивала объявления – бесполезно.

Узнав о Ритином горе, Женин брат пообещал привезти ей собаку, которая давно живет в их дворе и питается на помойке. Собака оказалась не очень молодой, это был породистый жесткошерстный фокстерьер с уже сложившимся характером, который он нам сразу показал. При первой попытке искупать его в ванне он не сопротивлялся – он просто показал желтые зубы и так ими щелкнул, что у нас пропало всякое желание помыть его. Женя сразу же дал ему многозначительную кличку: «Мистер Билл». На следующий день Рита на поводке вывела его гулять. Во дворе Мистер Билл дернулся, выдернул из рук поводок, рявкнул и не спеша потрусил прочь. Поводок волочился по земле... Рита пришла домой с застывшим лицом и сухими глазами: нет, это была не наша собака. На другой день нам сообщили, что Мистер Билл вернулся на родную помойку – свобода! – вот что было ценным для этого пса. А может быть, его когда-то предали, и он не простил?

Но всё же нам повезло: в соседнем дворе я как-то заметила мальчика, выгуливающего комнатных белых собачек – мать с щенком. Щенок мне очень понравился, но когда я хотела погладить его, он вдруг показал мне свои белые рисовые зубки. «Вот такого точно не украдут!»

Я несколько дней уговаривала мальчика и его родителей продать щенка – собака-мать еще родит. Собака не была породистой, так, какая-то помесь: немного от шпица – на высоких ножках и с квадратным туловищем, но белая и кудрявая – от болонки. Щенок поразил меня своей красотой – у него было *лицо*: огромные, черные, выпуклые глаза, круглый высокий лобик, пушистый лисий хвост опрокинут на спину, ушки от основания прямые, но кончики загнуты вниз. Дочери сразу же назвали его Малышом, и прожил он с нами шестнадцать лет. Расставание с прежней семьей Малыш перенес тяжело. Он сутки не ел и не пил, страдальчески смотрел и скулил. Женя забрал его в мастер-

скую, держал на коленях и потихоньку разговаривал, утешал и гладил. Ночью щенок громко завыл, и пришлось взять его в постель, чего делать ни в коем случае нельзя. Но это было единожды – на всякое правило есть исключение. Следующую ночь он провел в мастерской, его укрыли хозяйской рубашкой, и этого оказалось достаточным, чтобы собака спокойно спала до утра. В болезненной тоске у Мальшпа родилась привязанность к нашей семье. Хозяином он выбрал Женю, и приязнь их была взаимной и надолго. Мальш много времени проводил в мастерской в ногах хозяина, лежа на стружках. Любил во время перекура посидеть на коленях у хозяина. Женя научил его «курить»: погасшую папиросу он вставлял ему в зубы, и Мальш гордо выходил из мастерской, перекатывая папироску из угла в угол рта. Девочки возмущались, но вытащить папиросу изо рта позволялось только хозяину. Мальш появился у нас в марте, накануне дня рождения Жени, и оттого Женя частенько шутил: «Вот какую собаку мама папе подарила на день рождения!» И в ответ всегда возмущенно, хором: «Это не твоя собака, общая!» – «Нет, моя!»

У Мальшпа неожиданно открылся талант к пению. К этому времени мы приобрели прекрасную современную стереоустановку с мощными колонками и начали коллекционировать пластинки. Как-то Женя слушал только что купленную пластинку Луи Армстронга, соло на трубе, а затем негритянский джаз. Мальш встрепенулся, как-то нервно засуетился, и вдруг тоненько запел. Его похвалили, пение одобрили. С этих пор Мальш пел. Он пел вместе с Ритой, когда она мыла посуду на кухне, когда Женя играл на губной гармошке, специально купленной для таких случаев. Но лучше всего собака пела под Армстронга. После этого Мальш получил вторую кличку – Маэстро, и я повесила ему на шею эстрадный черный бантик.

В 1975 году Рита поступила в музыкальную школу, мы приобрели пианино. Как только Рита начинала играть, Мальш лез под диван. Какое-то время он нервно ворочался, потом начинал громко вздыхать и, не выдержав, со стонами начинал петь. А петь, когда Рита делает музыкальные уроки, ему категорически запрещалось.

* * *

Лишь задую в гармошку губную,
Только выведу несколько нот,
Сразу пёс мой подходит, тоскуя
И скуля, продолжения ждёт.

И забравшись ко мне на колени,
Новый звук на лету подхватив,
Он заводит высокое пенье,
Самый древний на свете мотив.

Что случилось с собакой невзрачной,
Отчего этот горестный вой?

Это музыка в сердце собачьем
Отозвалась какой-то струной.

Ах, как верно мелодия льётся,
Как звериные чувства сильны!
Сам бы спел, да не очень поется,
И кому мои песни нужны?

Ведь не так это просто, тоскуя,
Всё простить, что прошло и пройдет...
Я в гармонику дую и дую,
А собака поёт и поёт.

Умение Мальшпа петь, даже публично, однажды пригодилось. На новогодний утренник детям дали задание выступить, приготовить какой-то номер. И Рита, недолго думая, решила показать поющую собаку. Не скрою, мы немного волновались, Мальш пока еще не пел публично. Но объявили номер, поставили стул, на него усадили нашу собачку. Аккомпанировал на баяне Дед Мороз, немного пьяненький, но не очень заметно. Дед Мороз (в будние дни – учитель физкультуры) с сомнением посмотрел на артиста и спросил, что играть. С первыми звуками Мальш встал на задние лапки и запел. Что тут

началось: дети чуть не свалили елку, не отставали и учителя. Первое место и новогодний приз заслужила, конечно же, поющая собака.

Малыш был собачьим аристократом, да-да – не смейтесь. Он ел не спеша, не брызгая, в миске его всегда что-то оставалось, например, ливерная колбаса. Иногда в гости приходила соседская Вега – маленькая, хорошенькая дворняжка с большим дамским достоинством и от этого с чувством вседозволенности. Коротко гавкнув возле нашей двери, сообщил о своем визите, она проходила в нашу квартиру. Гостя сразу шла на кухню к миске Малыша и съедала всё содержимое, потом обходила комнаты и ложилась на подстилку друга. Всё это время Малыш сопровождал Вегу, не выказывая недовольства. Полежав с час, она, негромко гавкнув у двери, просилась домой.

При этом не всё позволялось хозяевам: запрещается ругать и наказывать дочерей – Малыш сразу же встает на защиту обижаемых и обожаемых – громко и угрожающе лает – какое уж там воспитание! – всё заканчивается общим смехом. Неприлично жожаку Стаи задирать голые ноги, когда тот задорно пляшет на дне рождения кого-то из дочерей. Малыш лает и делает предупреждающие хватательные движения головой, угрожая укусить. При этом он успевает следить, чтобы гости ничего не трогали – и всё это с лаем! Всем от всего этого несказанно весело.

Место под диваном принадлежало Малышу. Там в укромном уголке он прятал свои собачьи сокровища, как-то: косточки про запас – на черный день, какую-нибудь игрушку, да и просто – это было место, где можно спрятаться, отдохнуть. Во всяком случае, каждая особь должна иметь свое личное пространство. Когда я начинала мыть полы, Малыш с рычанием кидался спасать припасенные косточки, но швабра доставала всё, а хозяйка безжалостно выбрасывала собачьи ценности. Под диваном Малыш спасался от купания в ванне – не любил! Туда же он прятался от любимого хозяина-жожака Стаи, когда тот позволял себе расслабиться – вышить. И как бы Женя его ни пытался звать пообщаться – Малыш не вылезал. А вот пригатавливаясь мыть Малыша, нам пришлось заменить слово «купаться» на пароль – баден-баден, он хорошо знал слово «купаться» и спасался, как мог. Чтобы отнести его в ванну, приходилось набросить на голову полотенце, только тогда Малыш сдавался и позволял себя вымыть.

Малыш обожал Надежду Петровну Розанову. Ее он встречал в прихожей на задних лапах – еще бы, ведь она приносила для него обрезки копченой колбасы. Через полчаса, также на задних лапах, он приносил и клал ей на колени поводок, приглашая продлить удовольствие – погулять. «Ну что ты, Малыш, я еще не попила даже чаю, а ты уже провожаешь меня домой!»

Жаркий полдень июля, Ульба

Мы часто семьей выезжали за город, брали и Малыша. Собак было запрещено брать в поезд, и поэтому Малыша прятали в рюкзак, где он терпеливо ждал, когда поезд тронется и ему позволят сидеть на скамейке. Проводницы обычно нового пассажира принимали, скандалов не было.

Для нас (осозналось позже) это была не просто работа, – из таких поездов мы привозили не только материал для резьбы, но и скрепляющую семью бесценную память общности. Там, на галечных отмелях теплой, приветливой Ульбы, годами лежали вынесенные весенними паводками, выбеленные солнцем и ветром сухие комли деревьев, с которых Женя спиливал интересные замысловато-изогнутые корни. Вспоминается жаркий полдень июля, Ульба в районе Тарханки, мелковатая, бегущая по камушкам, с белыми гребешками пены, дышащая речной влагой и освежающая озоном. Одинокая крачка в солнечном поднебесье, парящий с распластанными крыльями коршун. Неспеш-

ные черные дрозды в купах деревьев, кормящие птенцов, чем-то озабоченная трясогузка на мокром галечнике, легкий ветерок и шепот листьев тополей... Мы на высоком берегу Ульбы, на краю обрыва. Обнаженные корни наклонившихся деревьев, еще цепляющиеся за обрыв, пытаются удержать свои стволы от падения в реку. Ежегодные весенние паводки размывают берега реки, обрушивают деревья, а позже выносят на отмели, где местные жители опиливают и увозят на дрова их стволы. Нам же достаются уже комли. То же самое грозит и кустам калины, бузины, акации, черемухи, дикой малины и смородины. А пока еще они наслаждаются жизнью: розовеют и желтеют кистями ягод, длинными зелеными стручками. В траве и кустах неумолчное стрекотание кузнечиков, жужжание пчел, мерцают яркие крылья бабочек.

Семья обедает: расстелена скатерка с незамысловатой едой: огурцы, помидоры, пирожки, банка с «завтраком туриста». Мальш, разгребший горячую траву, нежится на прохладной, влажной земле, положив голову на вытянутые лапы. И мы, наша семья – Наша Стая, единая частичка живого мироздания. Еще пока вместе...

Часто семьей выезжали на несколько дней на озеро Шыбындыколь или, по-местному, Таинты. Озеро находится в горной долине. Горы, поросшие сосняком, сбегают к воде и окаймляют озеро нагромождением плоских плит. Чистая, прозрачная вода, воздух, насыщенный кислородом, ягоды и грибы, конечно, притягивают усталых людей промышленного мегаполиса. Озеро особенно посещается в выходные дни, среди недели – более пустынно. К поездке готовимся тщательно. Женя дает мне список покупаемых консервов и продуктов. Перебираю, готовлю теплую одежду, спальники, стеганные одеяла, котелки, кружки и прочее. А еще берем двухместную брезентовую палатку, достаточно тяжелую (облегченных из синтетики еще не было). Едем на рейсовом автобусе. От останков до озера в гору километра два, и это для нас «суворовский переход». Нагружены выше головы: у Жени два рюкзака – на спине и груди, в руке дорожная сумка. У меня тоже рюкзак и тяжеленная сумка. На полдороге Юля устаёт, не может идти, и Женя сажает ее на шею, вернее, на рюкзак. Наш караван медленно движется в гору. Иногда попутная машина подхватывает нас, и это благо. Вечером, после ужина, сидим семьей у небольшого костерка. Высокое, звездное небо с золотым полумесяцем в окружении ярких звезд...

Ночью прошел небольшой дождь, так, слегка брызнул. Утро было без солнца – холодное, грустное, и, хотя это только начало августа, вдруг как-то повеяло осенью. Женя поднялся рано, из отсыревших, припасенных с вечера дров развел костер, вскипятил чай в котелке. Я слышала, как он поднялся, возился с костром, но не выходила, ждала, пока позовет к чаю. Знаю, что утро сырое и холодное, а в тесной палатке так тепло. Сидим вдвоем возле палатки на плоском валуне, накрытом джинсовой курткой. В руках кружки с горячим чаем, греем руки и души... Туман немного рассеивается. Призрачно и бесшумно разрезая носом гладь озера, движется лодка, и отбежавшая волна добегают до берега, ласково шуршит по песку. В палатке спят дочери. Бегают между валунов Мальш, принохивается. Его не на шутку интересуют незнакомые запахи. Здесь, прикормленные туристами, обитают общительные суслики, по-местному – киски, и они вызывают здоровый собачий интерес. Можно встретить и симпатичного, выскивающегося деликатес бурундучка.

К обеду растеплилось, яркое солнце прогрело воду, и мы купаемся. За Ритой глаз да глаз – из воды не вытащить. А Юля с рождения панически боится воды. Так, походит по бережку, помочит ноги, и всё. Пытаюсь убедить, что купаться очень приятно. Захожу в воду по пояс, на руках Юля, обхватившая меня мертвой хваткой за шею. Опускаюсь так, чтобы намочить ножки дочери. Всё равно боится.

Таких поездок было много. *И это были минуты счастья.* В будущем, в минуты печали и горестей от неизбежных утрат, память от этих поездок будет утешением и светлой надеждой на лучшее в нашей земной юдоли.

Иволга

Где-то вдали или в юности где-то,
Там, где живая томится душа,
Иволга тихо окликнула лето,
Май встрепенулся, дождями шурша.

Как удалось не утратить надежду,
Вновь и навеки вернуться душой
К дальней тропе, пробреждающей между
Явью и снами в пыли золотой? –

Где это, что это, как не забылось,
Как удалось, затаившись, сберечь
Этих дождей морозящую сырость,
Этой реки хлопотливую речь?

К миру, где дождь шелестит, пролетая,
Вереск цветет, и в тумане речном
В дальней дали, не смолкая, взывая,
Иволга тихо свистит о быллом.

Женина мастерская – это бывшая кладовка с немного прихваченной площадью от комнаты дочерей. Она без окна, с постоянным искусственным освещением. Все стены от пола до потолка обустроены стеллажами с заготовками для будущих скульптур малых форм. Там же на стеллажах бутылки с химикатами и настольные станочки, рядом соседствует стеллаж со стопками бумаги, папками и пишущей портативной машинкой. Вечерами, а бывает и ночью, Женя занимается литературной работой. Вообще-то, вся наша квартира – сплошная мастерская: на кухне я лакирую или покрываю мастикой для вождения готовые изделия, в зале, держа на коленях поднос, шлифую наждачной бумагой полуготовые скульптуры. Летом работаю на балконе.

Обычная картина того времени: работающий за верстаком Женя что-то режет, в ногах у него на стружках Малыш с косточкой, сбоку верстака маленькая Юля. Ведутся взрослые разговоры. О чем? Обо всем, нередко и о прочитанных книгах. На верстаке подставка для инструментов, разложены нужные для работы стамески, ножи. Здесь же стопка серой бумаги для черновиков. Юля, разговаривая с отцом, неспешно рисует. Рисунки молниеносны, графические, одной линией, кратко и полно отражающие сюжет книги или касающиеся темы разговора. Художественная школа, законченная Юлей, добавила и разнообразила художественные приемы, но графика – «живая линия», данная ей природой, остается приоритетной в ее творчестве.

Женя часто ездил на рыбалки, кстати, очень успешно. На это время, иерархически, вожакom Стаи становилась я. Малыш постоянно сопровождал меня по квартире, охранял, нес свою службу. За эти дни он привыкал ко мне как к вожаку. Вернувшегося с рыбалки хозяина Малыш встречал лаем как чужого.

– Ну что? Совсем тут обабился без меня?! Своих уже не узнаешь! – Поняв ошибку, скомпрометированный Малыш уходил на свою подстилку. Через час порядок в Стае восстанавливался.

Жила в нашем подъезде бабушка, которая ну никак не могла понять, зачем мы держим в квартире собаку. Старушка преследовала меня одним и тем же вопросом:

– Ну зачем вам собака? У вас же дети, от нее грязь. Ее надо выгуливать, кормить...

– Детям полезно за кем-то ухаживать и заботиться. Кроме того, это просто друг и защитник, – как-то не очень убедительно говорила я.

Женщина не унималась. И чтобы отвязаться от неразрешимого вопроса, зачем нам собака, я как-то неудачно пошутила:

– Да мы едим их.

Это было большой моей ошибкой, что тут началось...

– Да вам что же, есть нечего? Да зачем же вы собак едите, вы же не корейцы!

Старушке было невдомек, что Малыш у нас живет так долго, что нам пора было бы его уже давно съесть. Это недоразумение могло продлиться еще долго, но бабушку вскоре забрала к себе дочь, поселив в ее квартире своего сына.

И еще комичный случай с той же бабушкой. Женя уехал на рыбалку (я в это время уже работала в музее), ключ от квартиры договорились оставить у бабушки, так как она всегда дома. Принесла ключ, объяснила ситуацию. Та спрашивает: а какой у тебя муж-то, как я его узнаю?

– Ну, – говорю я, – придет мужик, с красным обожженным лицом, небритый, грязный, в рыбьей слизи и чешуе, вонючий... С рюкзаком на спине и в резиновых сапогах.

– Доча, не надо, я боюсь его...

Последней нашей собакой был Рэм, породистый черный пудель, который прожил с нами двенадцать лет. Мы его приобрели двухмесячным щенком после смерти Малыша. По своей психологии это был совершенно незнакомый для нас типаж. Игривый, ласковый, шаловливый, умеющий пошутить. Рэм имел тонкое телосложение, боялся и избегал крупных собак. Однажды он гулял один во дворе, без поводка. Вдруг слышу ужасающий визг в подъезде, приближающийся к нашей входной двери. Кидаюсь к двери – и о ужас – на Рэмке висит маленький бульдожек, вцепившийся в бок мертвой хваткой. Одновременно в открытую дверь вбегают какая-то женщина, мгновенно отдирает свою собаку и исчезает, не сказав ни слова. Всё это происшествие длилось секунды.

Но были случаи, когда Рэм показал себя защитником, показал просто бойцовские качества, защищая маленькую внучку Олю. И еще случай: пришла ко мне Рита искупаться, – в их районе отключили горячую воду. Выходит из ванны, в махровом банном халате, на мокрой голове – тюрбан из полотенца. Не узнавший ее в таком виде Рэм злобно кидается на опешившую от неожиданности Риту. Вот тебе и пудель!

Вечером, дождавшись нас с работы, а девочек из школы, наскучавшись без нас, Рэмка первым делом приносил Юле (она была его хозяйкой) мячик. Юля бросала мячик в стенку, и Рэм пытался потом поймать на лету – в этом заключался смысл игры. Частенько собака приносила игрушки с мусорки, тщательно потом охраняя их и не позволяя выбрасывать. В таких случаях он на время еды вновь приобретенную игрушку клал возле миски и рычал, когда протягивали руку, чтобы забрать ее. Через неделю интерес к игрушке пропал, и ее можно было выбросить. Мне кажется, пудель способен не только чувствовать настроение близких ему людей, но и различать и понимать мимику.

Многие породистые собаки, в отличие от дворняжек, имеют слабый иммунитет. Рэмка болел довольно часто, не избегал и чумки. Я была уже наслышана об этой страшной собачьей болезни, держала дома антибиотики и шприцы. Болезнь протекает очень быстро – счет идет на часы. Как назло, наша собака заболела в канун выходных, и лечить мне пришлось самой. Трясущимися руками, впервые, я делала уколы: колола антибиотики, преднизалон, вливала большой объем физраствора – собаки гибнут от обезвоживания. Рэмку я вылечила. Во время болезни он ничего не ел, исхудал – кожа да кости. После этого у него начался неконтролируемый жор с необъяснимыми чудесами воровства. Налила в две тарелки борщ с кусочками мяса – себе и Юле. На минуту отвлеклись к телевизору. Когда доедали борщ, заметили – мяса нет. На скатерти – ни капельки, тарелки не сдвинуты, а ведь борщ был горячий. Рэм лежит на подстилке с совершенно честными глазами. В те же дни: замесила творожное тесто с изюмом

для печенья, лежит под полотенцем на столе, отдыхает. Через полчаса обнаруживаю, что тесто пропало.

А вот одна из шуточек Рэма. Женя за верстаком, работает. В определенном порядке разложены резбовые инструменты. Рэм подкрадывается и незаметно стягивает из-под руки стамеску. Женя в замешательстве – вот только что была, куда делась? Рэм с подстилки внимательно наблюдает за переполохом.

Самая большая проблема в содержании пуделя (для меня, во всяком случае) – это ежемесячная стрижка, без которой пудель – не пудель, а какая-то бесформенная тучка. Стригла я сама и, надо сказать, неплохо. Стрижка для меня и Рэма – стресс. Для меня – это страх порезать, ведь стрижка местами делается догола, до кожи, а для Рэма – быть порезанным, и он защищается, как только может. Стрижка моя называлась спортивной: коротко – на туловище, на морде – до кожи, из-под бровей – круглый густой кок, такой же шарик на хвосте, галифе (мое название) – на передних и задних ногах. Самое сложное – это лапы, нижняя часть. Шерсть между пальцами выстригается под кожу, и лапа становится похожей на кисть руки. После стрижки выношу Рэма на руках во двор, где он вытряхивается и начинает красоваться. О, эта грациозная пуделячья походочка! – из-за нее нам стоит потерпеть. Прохожие восхищаются красотой собаки, и он это понимает, улыбается. Следующая стрижка будет через месяц, а пока живем и наслаждаемся жизнью и красотой.

И собаки, и дети, и птицы навек заодно

Они были разными, наши дочери. Разные внешне, разные по характеру и интересам. Рита – желанный первенец, выстраданный: я часто лежала в больнице, сохраняя беременность. Молодой отец не боялся младенческой хрупкости девочки – много занимался ею: умело пеленал, делал массаж. С подрастающей Ритой учил стихи, учил танцевать, многому учил... Она рано начала говорить. Она скрасила нашу квартирантскую жизнь на Защите. Вспоминается случай из той жизни: прихожу с работы, Женя на полу играет в куклы (вернее, учит играть) с полуторагодовалой Риточкой. Сделал кроватку из обрезков фанеры, которыми топили печь, свернул из ткани постельные принадлежности и с большим интересом развлекается с дочерью. Капризничавшую Риту не раз успокаивал таким приемом: «Дочурочка, что это у тебя?» Из мокрого открытого рта ребенка достает коробок спичек: «Ну конечно, я бы тоже плакал, я бы даже орал!» Плач моментально прекращается – ребенок с изумлением смотрит на отца и коробок. Такой же фокус и эффект происходит при доставании вдруг чайной ложки из уха Риты. А потом отец подбрасывает девочку к потолку – ловит, прижимает – делает на вытянутых руках круговую «самолет-самолет». И ребенок задыхается от восторга, и, отдышавшись, припадает к груди отца, обнимает за шею. *И это были минуты счастья.*

Бойкая, непоседа, с лидерскими способностями, с шилом в одном месте, Рита могла организовать прогулку в парк детей из нашего подъезда, пропустив первые уроки в школе. Ее шалости были непредсказуемы, меня частенько вызывали в школу по поводу дисциплины, что меня в общем-то не сильно огорчало – здоровый ребенок! Певунья и плясунья, Рита была внимательной и заботливой старшей сестрой для Юли и остается такой по сей день. В пионерском лагере, несмотря на разницу в возрасте, они всегда были в одном отряде, и я знала, что всё будет в порядке, – рядом Рита. Как это часто бывает, выросшие в одной семье и воспитанные одними родителями, дети вырастают с разными характерами и наклонностями, и это норма. Рита играла в куклы, а Юля любила миниатюрные игрушки: набор «Теремок» со всеми его героями, всевозможные пластмассовые зверушки, плюшевая собачка Пиф.

Частенько игрушки вырезал из дерева отец, и они были уникальны, он доводил их до совершенства, их не хотелось выпускать из рук. Был Буратино, крокодил Гена, старуха Шапокляк, Незнайка, были фантастические, забавные прямоугольные человечки, декорированные выжиганием и покрытые лаком. Юля приносила свои необыкновенные игрушки в садик. Ее прихода дожидались дети, вытряхивали игрушки на ковер из сумочки, рассматривали и играли. Вечером Юля не забывала все собрать и унести их домой. Но самым любимым занятием было всё же рисование. Рисунки четырехлетней Юли были отмечены на выставке творчества детских садов города.

Общим для обеих дочерей была любовь к книгам, которых было много в нашем доме, и к музыке. Постоянно приобретались пластинки с новинками, с удовольствием смотрели по телевизору передачу «Музыкальный киоск». Стены нашей малогабаритной двухкомнатной хрущевки были украшены резбовыми шедеврами, которые мы не сдавали на продажу – был у нас негласный закон – лучшее себе. Правда, позднее наши шедевры будут приобретены областным этнографическим музеем. Запахи кедра, черемухи, можжевельника, акации насыщали наше жилище. И даже простенькие ученические музыкальные этюды, разучиваемые Ритой в музыкалке, – живая музыка, создавали необыкновенную творческую атмосферу нашей семьи, Нашей Стаи.

Ваши птицы

Если день еще не начат,
А уж вас томит с утра,
Это значит, это значит,
Ваших птиц кормить пора.

Вот уж только щебетанье
Там, где раньше песнь была...
Не последнее ль прощанье,
Трепыханье в два крыла?

Это значит, из темницы,
Из глухой предтишины
Ваши птицы, ваши птицы
Вам пока еще слышны.

Мир заботами потушен,
Отвернуться и забыть...
Загляните в ваши души,
Не пора ли птиц кормить?

Утро в семье обычно начиналось с кормления птиц. Кормил всегда Женя, но в его отсутствие это делала я. Женя всегда что-то насвистывал, когда чистил клетку и насыпал корм. Под ногами крутился Малыш. Похоже, сам процесс им нравился. Корм был разнообразным: кроме зерна, обязательно зелень: огурец или яблоко (летом листья или цветы одуванчика), крошенное яйцо, размоченный мякиш хлеба.

Всё началось с пары канареек – Клавы и Кеши, которых купили в магазине «Природа». Но неожиданно для нас птицы стали быстро размножаться, и имеющаяся у нас клетка стала маленькой. И Женя сделал большой вольер, примерно метр на метр. На дне лежал выдвижной поддон для кормления и чистки клетки. Каждую весну мы наблюдали брачный период наших птиц, затем кладка яиц и высидывание птенцов.

Малышу тоже было интересно, он часто просился на руки, опирался передними лапками в нижний край вольера, наблюдал за происходящим. Клава моментально слетала и бесстрашно начинала выдергивать нежный подшерсток между его пальцами для утепления гнезда. Малыш какое-то время терпеливо переминался от боли, скалил зубы и, не выдержав, просился на пол. А в вольере происходило очень уж интересное: в круглом гнездышке вдруг однажды появлялись голубенькие, в крапинку, чуть больше горошины, яички. Из них проклевывались крохотные птенцы, отнюдь не красавцы, мало

напоминающие даже птиц. Голопузые, на тонких, качающихся шейках-стебельках – большие головки, с выпуклыми, закрытыми фиолетовой пленкой глазами. И постоянно открытый, несоразмерно огромный, вызывающе-желтый по краям клюв. За время нахождения птенцов в гнезде птичья колыбель остается чистой – птенцы отстреливают отходы жизнедеятельности, подвинув гузку к краю гнезда.

За сезон пара птиц выводила четыре выводка по пять птенцов, которых мы раздавали всем желающим, позже стали сдавать в магазин «Природа». Кеша оказался прекрасным певцом. Все подрастающие птенцы перенимали навыки пения, и вокал их был прекрасным. Женя добавлял, улучшая пение наших птиц, трели овсянок с записей на пластинках. Птицы прожили у нас лет шесть.

Позже, уже после переезда в новую квартиру, у нас остался только певчий кенар, который свободно летал по квартире и вскоре стал совершенно ручным. Если бы бабушка из нашего подъезда спросила: а зачем вы держите птиц? – я бы, наверное, ответила этим стихотворением:

* * *

Если жизнь отвратится,
Свет померкнет в глазах,
Тридцать три мои птицы
Встрепенутся в стихах.

Запоют, щебетаньем
Оглушив небеса,
Золотые созданья,
Дней моих голоса.

Тридцать три моих птицы
Ввысь поднимутся вмиг,
Вон – из каждой страницы
Десяти моих книг.

Только сонмом созвучий,
Знаю, с этого дня
Стая жизни певучей
Не отпустит меня.

Спустя время у нас появился волнистый попугайчик Петруша, презабавная птица. Попугайчика подарили за хорошую успеваемость нашей внучке Оле, по ее просьбе, но она как-то быстро наигралась и отдала его нам. Спустя полгода, в брачный период, Петруша заговорил. Первым словом было приветствие, а дальше пошли стихи и даже песенки. Птица много времени проводила вне клетки, была абсолютно ручной и контактной не только с людьми, но и с собакой. Тогда это был пудель Рэмка. Петруша любил кататься на Рэмкиной спине. Изловчившись, собака осторожно, одними губами, за крылышко, пыталась стянуть Петрушу со спины и тут же получала болезненный щипок в нос. Как и все попугаи, любил Петруша зеркало, смотрел, танцевал, приговаривая: «Петруша красивая птичка!» Как-то расхаживает по подоконнику, слышим его голос: тише, тише, кот на крыше... и вправду, по подоконнику с уличной стороны крадется кот. Но это, конечно совпадение.

Обедаем за столом на кухне. Петруша бегаёт по столу, у каждого попробует из тарелки, поклюет нарезанный хлеб, попьет чай, вспрыгнув на край чашки, и всё это время нахваливает себя. Потом, для разнообразия, начинает сбрасывать чайные ложки на пол. Как-то я потеряла очки. Нашла их в мусорном ведре – Петрушина работа. Но самое удивительное – Петруша знал свое имя и прилетал на зов.

Скворцы поселились как-то неожиданно у нас на балконе в деревянной долбленной пудовке (старинная мера, вмещающая 16 кг зерна), ее Женя привез осенью из деревни и не успел сдать в музей. Птиц не потревожили, пока не выросли птенцы и сами не покинули свое жилище. На следующий год муж сделал добротный деревянный скворечник. Каждый год с лета до следующей

весны скворечник заселяли воробьи, до прилета хозяев. Скворцы прилетали весной, вроде бы ожидаемо, но всегда неожиданно для нас. Они прилетали затемно, до восхода солнца, мы еще спали. И просыпались мы от громких скворчиных трелей, пощелкивания, свиста, и это был праздник – пришла весна.

Цвели огромные тополя, доходящие до балкона, и запах их витал по квартире, и весеннее солнце играло бликами на стеклах окон, и хотелось верить, что жизнь будет бесконечной и радостной, как эта весна. *И это были минуты счастья.* Скворцы расхаживали по перилам балкона, заглядывали в скворечник, пели что-то заморское, принесенное из дальних стран. Мы в это время старались не тревожить птиц, не выходили без особой надобности на балкон. Случалось вешать на балконе белье, а в это время прилетал скворец с добычей в клюве. Предупреждающее «к-р-р» – и я уходила с балкона, дожидаясь, когда птица улетит за новой порцией еды для птенцов. Были случаи, когда я отгоняла от скворечника прожорливых ворон, пытающихся выдернуть через входное отверстие домика подрастающих скворчат.

* * *

В эти дни зацвели тополя,
Там, в скворчином журчанье и свисте,
Распустились бордовые кисти,
Золотою пылью пыля.

Тополь женский и тополь мужской
Вновь повенчаны ветром апреля,
И опять эти дни полетели
Бесконечной своей чередой.

И опять я шепчу, как во сне:
Просто жить – разве этого мало,

Разве мало, пусть даже устало,
Всякий раз удивляться весне?

Всякий раз воскрешённой душой
Безотчётно, как тополь и птица,
Растворяться, надеяться, длиться
В этой ветреной дали живой?

...Облака золотистой пыльцы
Тихо тают в туманах апреля,
И плетут бесконечные трели
В загустевших вершинах скворцы.

Я, наверное, идеализирую Нашу Стаю, но прошло много лет, и я забыла, или стараюсь забыть все тяготы тех времен. Ведь мы не идеальны. Жизнь не показалась мне короткой. Наоборот, она была такой интересной, непредсказуемой и разнообразной, она длится так долго и вместила так много событий: радостных и печальных, разочарований и надежд на лучшие времена. Мы многое претерпели, приобрели жизненный опыт. Наши дочери обрели семьи и имеют всё необходимое для жизни. И пока только чёт... Слава Богу – пока только чёт!..

Жизнь не всегда была праздничной и нарядной. «Большое видится на расстоянии», – сказал Есенин. И я на расстоянии – из настоящего в прошлое – вижу наши ошибки, оцениваю ситуации, когда ломались копыта и жизни, без особой на то причины. Вижу неизбежную, ничемную суетность прошлого, а то, что казалось когда-то мелочью, теперь приобрело незабываемую, необыкновенную ценность и значимость, дает силы жить дальше. Я забыла обиды, я многое простила себе и своим близким, – я освободилась от ненужного, накопившегося жизненного хлама и вздора. Освобожденная, налегке, моя жизнь продолжается. Она протекает в русле той же реки-судьбы. Я плыву, бегу по камушкам по течению, я огибаю встречающиеся пороги, осторожно, стараясь никого не забрызгать. Куда я плыву в конечном итоге – в океан, в земную твердь или в космическую бездну? Иногда я чувствую себя какой-то травинкой, плотно обвитой полевой повиликой. Она придушила меня своими крепкими одеревеневшими усиками, но украсила мой слабый ствол нежными

розово-белыми колокольчиками. Повилика держит меня, выпрямляет, но иногда своей тяжестью тянет к земле. Нас невозможно распутать, разъединить, не повредив обеих. И всё же однажды сильный ветер пригнет нас к земле, и повилика уже не поднимет меня для жизни.

И всё же, что это было? Как сказать, не опустившись до банальности, как выразить томление души о незабываемом прошедшем времени жизни?.. Пока только словами Евгения Курдакова: *...минувшей жизни несказанный сон.*

На сегодняшний день я никого не приютила в своем доме. Я боюсь, а потому избегаю неизбежной потери животных, у меня теперь нет на это жизненных сил. Мои птицы живут на воле – за окном. Я очень люблю синиц – мы нужны взаимно друг другу: я кормлю синиц, а они радуют меня своим доверием, своей красотой и нежностью, присутствием в моей жизни. С наступлением глубокой осени, в ее печальные, короткие дни, с первыми холодами и тусклыми дождями синички напоминают о себе стуком в окно – пора выставлять кормушки. Я радуюсь первому появлению грачей – первый признак близкой весны. Черные, с антрацитовым блеском, – их грубоватая треугольная телесность, мощный костяной клюв – восхищают меня. Они прилетают, не боясь еще по-зимнему крепких заморозков и бескормицы – находят пропитание на дворовых мусорках и свалках. Не перестаю удивляться приспособленностью ворон к жизни в городских условиях. Никогда не видела их у кормушек, – пропитание себе добывают сами (как и грачи). Поистине хозяйственная, житейски ловкая птица. Делает запасы и никогда не забывает свои схороны, правда, иногда этими запасами пользуются свои, не менее ловкие, соплеменники – подсмотрят и своруют! Ох, что-то я ворон считаю – не к добру! И всё от того, что не могу, не хочу уходить из прошлого, из Стаи. Понимаю, что нельзя жить прошлым – это даже опасно, так предупреждают психологи и умные люди. Да, всё понимаю, даже могу привести случаи, когда человек ушел в прошлое и не вернулся. И всё же...

* * *

Юле

...Проснуться вдруг, еще не понимая,
Что ты проснулся там, в минувшем сне:
Светло, открыт балкон, и солнце мая
Узор листвы качает на стене.

Из мастерской кедровый терпкий запах
Взывает к верстаку... И верный пёс
Давно уже стоит на задних лапах,
К хозяину приблизив чуткий нос...

На тумбочке лежит открытый Пушкин,
С подчёркнутым «с порядком дружен ум»...

По комнате разбросаны игрушки,
И слышен из окна трамвайный шум.

В вольере встрепенулся кенар... Скоро
Дом зажурчит, пронизанный насквозь
Высокой трелью... Шевельнулись шторы,
И детский голос – «Папа» – произнес.

Пора вставать...
Ах, только б на мгновенье
Продлить тот сон, – пока блуждает мысль
Вдали от горькой правды пробужденья...
Забудь, не просыпайся, обманись...

*г. Усть-Каменогорск
Январь 2025*